

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ:

Фото Илья МОРДВИНКИНА.

— Прежде всего хочу сказать, что мне нравится ваша рубрика. И вот почему. Мы по разным поводам употребляем слово «судьбоносный», а тут оно представляется мне как раз уместным. Наша судьбоносная история в том и заключается, что мы полностью прожили эпоху социализма, повидали его во всех ракурсах и теперь пришли — тоже дар или милость судьбы — к совершенно новой, с противоположным знаком исторической формации.

— Считаете, мы уже изжили свой социализм, Чингиз Торекулович?

— Я не думаю, что его надо буквально изживать, как какую-то болезнь. Все уйдет само по себе. Я сторонник постепенного ухода от социализма и более того — сохранения некоторых нажитых нами, выстраданных его черт.

— Что же это за черты?

— Их немного. Например, тот самый пресловутый дух коллективизма. В какой-то степени хотелось бы, чтобы он все-таки витал среди нас. Конечно, человек в своей индивидуальности, в своем эгоизме имеет сильный потенциал. Индивидуализм может подвинуть его к решительному действию, чтобы добиться

«ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ...»

чего-то в жизни. Но как все в мире многогранно и взаимосвязано и какие-то однозначные явления никогда не восполнят всю жизнь, так и эгоизм, индивидуализм должны сочетаться с коллективизмом.

Сила социализма была в его коллективизме. Иногда, конечно, этот коллективизм форсировали, порой он был в чем-то формальным. Но было и настоящее товарищество. Даже, например, в писательской среде. Теперь же она разрознена, каждый сам по себе.

— Но ваша профессия и предполагает индивидуализм, уединенность, так?

— Предполагает. Но на Западе я по старой привычке иногда спрашиваю у писателей: вы, наверное, собираетесь вместе, такого-то знаете? В ответ они делают большие глаза. Потому что там писатели или деятели культуры существуют совершенно обособленно. Конечно, они знают друг друга по книгам, через прессу, понаслышке. А мы привыкли свое писательское братство ощущать в коллективе. Да, в этом коллективе проявлялись разные человеческие свойства: и нравственные — взаимодействие, взаимопомощь и, наоборот, — групповщина, соперничество, подсиживания... Все было. Некоторые сейчас думают, что все отрицательное, страшное, поганое, всякие пороки — это было при социализме, а вот после социализма мы от всего этого избавимся. Ничего подобного! Эти же пороки, как свойства человеческой природы, были и будут при любой общественной формации.

Единственная мера всему — обретение и развитие культуры. Проблема эта остро стоит сегодня не только для России, стран СНГ — для всего мира. Человечество интуитивно понимает, что наступила пора нового тысячелетия, грядет новый век. Мы пытаемся подвести какие-то итоги, осмыслить, что было. И очень важно при этом осознать, что же есть высший смысл всего нашего бытия? То мы социализм хотели построить — ничего не получилось, теперь капитализм хотим, а он тоже показывает нам свои противоречивые стороны. А после капитализма?

Суть же в том, чтобы, вобрав в себя опыт прошлого, жить сознательно, думая о будущем и соблюдая принципы человеческого общежития. Для этого культура должна развиваться, обогащаться неустанно, а не угасать. Как только наступит пауза в ее развитии или пренебрежение ею, это немедленно скажется отрицательно на человеке, на его человеческой сути. Я в этом все больше убеждаюсь. Единственный культ, который я принимаю, — культ культуры.

— При социализме вы были одним из самых читаемых и почитаемых писателей не только в народе. Власть тоже не жалела для вас наград, титулов, почестей.

— Да, я был в полной норме, в

полноценном своем ореоле. Но, конечно же, всякие почетные звания, премии, уважение просто так не давались. Значит, для этого были основания в творчестве. А звания не прибавляют и не убавляют таланта.

— Наверное, вам в советской литературе и позволялось более, чем другим? Скажем, роман «И дольше века длится день...», далеко не соответствующий идеологическим установкам того времени, был издан задолго до перестройки.

— В Москве, заметьте, не в республике. Столица, несмотря на то, что все идеологические установки шли от нее, сама же и позволяла некоторые отклонения от них. Здесь был центр культуры, огромное количество литературных журналов, книжных издательств.

— Как вы думаете, почему поднятые в этой книге, а затем в «Плахе» общечеловеческие проблемы вызвали тогда такой небывалый эффект? Ведь не зная о них было просто невозможно.

— Мы долго сами от себя скрывали то, что считали не свойственным, не характерным для социализма. Экологических проблем, например, для нас просто не существовало. А уверенность в том, что наше плановое хозяйство и наш социалистический образ жизни полностью соответствуют идеалу, была всего лишь иллюзией, самообманом. Мы также закрывали глаза на наркоманию и другие пороки.

— Вам трудно было опубликовать «Плаху»? Шел ведь уже 1985 или 1986 год.

— Конечно, непросто. Были и купюры в тексте, и разгромная критика потом. Помню, в «Комсомольской правде» меня обвинили в богоискательстве. Тогда это было серьезным идеологическим замечанием. Мы ведь в то время стояли на позициях атеизма, официально, во всяком случае.

— Вам пришлось объясняться, оправдываться?

— Да я и не отрицал, что это богоискательство. Но дело-то в том, что человека всегда окружает определенная среда, в которой есть доброжелатели, а есть и злопыхатели. У меня тоже достаточно и недругов. И раньше было, и сейчас. А они любое сомнение или критику тут же берут на вооружение. Кстати, этим объясняется и то, что свои произведения в последний период я писал на русском языке.

— А вообще, Чингиз Торекулович, вы считаете себя каким писателем — российским или киргизским?

— Хотите считать меня российским — ради Бога, хотите другим — пожалуйста. Это я уже выразил в своем романе «Тавро Кассандры». Суть романа, его герои, даже окружающая среда — космополитичны. Да, это тот самый космополитизм, за который у нас когда-то и головы «снимали».

— То есть раньше вы были неосознанным космополитом, а теперь переосмыслили и стали убежденным?

— Переосмыслил. Но это вовсе не значит, что я призываю всех превратиться в космополитов и буду все время педальировать на этой части своего творчества. Напротив, то, что я пишу сейчас, снова возвращает меня к моим истокам, к прежним персонажам. Но теперь я уже смотрю на это несколько с иного ракурса. Даже Великая Отечественная война воспринимается иначе, спустя полвека, чем когда я писал «Лицом к лицу», «Материнское поле» или «Джамилу».

А русский язык для меня — необходимый, родной, как киргизский, и даже главный сейчас в общении с другими народами.

— Многие писатели, поэты, вообще творческая интеллигенция активно поддерживали перестройку, Михаила Горбачева. Потом некоторые критически переоценили то время. А вы?

— На годы перестройки приходится апогей моей сознательной жизни. Для меня лично это был взлет духа. А сейчас стало очень модно поносить перестройку, клеймить последними словами Горбачева. Мне кажется, здесь есть два подхода. С одной стороны — искренняя ненависть людей, которых перестройка сорвала с какого-то, пусть даже жизненно уязвимого состояния. Они пострадали, это можно понять. Но с другой стороны, существует и более коварный подход: показать себя теперь таким нигилистом — плевать, мол, мне на перестройку. И каждый по-своему ее критикует, пытается принизить, исказить и т.д.

У меня же твердое убеждение, что это была необходимая фаза исторического развития не только в масштабах России и тогдашнего советского общества, а в масштабах всего человечества. Произошел сильный тектонический сдвиг, в котором перестройка сыграла выдающуюся роль. И то лучшее, чего мы сейчас достигли в смысле демократического миропонимания, и то, что разрушилось, — все это пошло от перестройки. Но если бы она не со-

стоялась, я думаю, ситуация была бы не лучше той, что мы сейчас при всех трудностях переживаем.

— Существует мнение, что вы могли бы избрать и другой путь — китайский, например.

— Не надо ссылаться на китайский пример! Там другая страна, другой менталитет. Я хотел бы посмотреть, как нашего российского человека с его буйным русским характером можно поместить в китайский ряд. Пусть китайцы идут своим путем, а мы — своим. Самое главное, чтобы не проявилось какое-то свое разрушительное свойство и не привело бы к страшным столкновениям между государствами, народами, нациями, чтобы человечество не подверглось самоистреблению. А каждая война — это самоистребление.

— Когда распался Союз и между Россией и Киргизией пролегла, пусть условно, государственная граница, какое у вас возникло ощущение себя, своего места в новом пространстве?

— В это время я находился за границей: был послом в Люксембурге, сначала советским, потом — российским. Конечно, начались бессонные ночи, попытки осмыслить, соизмерить все, уяснить, что к чему. Разумеется, я да и все мы интуитивно предчувствовали, что рано или поздно взаимодействие республик будет иным, что они станут более самостоятельными, оформится конфедерация... А произошел резкий однозначный поворот, и, конечно, это был шок.

Но, как говорится, нет худа без добра. Может быть, к этому и следовало прийти. Имперское состояние, наверное, имело и свои положительные стороны, однако в республиках постепенно назревала внутренняя необходимость этнической самостоятельности, национального самоопределения. Я думаю, любой народ, который к этому стремится, должен однажды получить такую историческую возможность и пройти этот путь. А дальше жизнь покажет — возможно, возникнут новые формы коллективного общежития, сотрудничества.

На мой взгляд, здесь самый убедительный пример — Европейский союз. В нем каждый народ уникален, самобытен, каждое государство самостоятельно, каждый язык имеет свое пространство. И в то же время они сумели найти общую, приемлемую для всех форму. А это непросто, потому что на пути всегда стоят разные силы, по-разному пытаются все использовать, истолковать. Я называю «политическим паразитизмом», когда на острых, а порой и надуманных противоречиях какие-то партии, группы людей, отдельные политики делают свою карьеру, наживаются политический капитал. Избегать политического паразитизма трудно, он сопутствует любому, даже логическому развитию.

— Видимо, на просторах бывшего Союза этого политпаразитизма развелось слишком много.

— Тем не менее помимо межгосударственных уже возникают региональные взаимодействия, например, в Центральной Азии. Три страны — Казахстан, Киргизия, Узбекистан — заключили договор о вечной дружбе.

— Вы как дипломат часто ли встречали словно «вечный» в официальных документах? Звучит это, скорее, литературно.

— Согласен, романтически. Но при всем этом романтизме, можно сказать, прекрасной мечте я благодарен нашим президентам за то, что они смогли настроить себя на братские отношения. А от них многое зависит, поскольку за ними стоят народы. И здесь уже меньше условий для политического паразитизма.

— Недавно в Москве прошла презентация новой книги, написанной вами вместе с известным казахским поэтом Мухтаром Шахановым. Почему вы решили «Писать охотника над пропастью» писать вдвоем?

— У меня уже был такой опыт — со знаменитым японским мыслителем Дайсаку Икэдой мы написали

книгу-диалог. Конечно, наши разговоры с Шахановым отличаются от тех, скорее, философских бесед. Это — исповедальная книга, в каком-то смысле подводящая итоги двух авторов, давно прокладываящих свои пути в литературе. По сути, это попытка прорыва сквозь массовую культуру, которая сейчас все заполонила. Достаточно сейчас сотню шагов пройти от редакции «Труда» — и увидишь типичный книжный развал, где продается море литературы, никакого отношения не имеющей к духовности, а эксплуатирующей лишь низменные инстинкты. Через эти препоны, культивирующие насилие, корысть, похоть, мы с Шахановым попытались пробиться своими откровениями, своим словом.

— Сегодня писатель Айтматов — посол Киргизии в Бельгии, поэт Шаханов представляет Казахстан в Киргизии. Почему вы, известные, уважаемые литераторы, подались в дипломаты?

— Пока новые молодые государства не имеют профессиональных дипломатов, мы действуем как первопроходцы. Кроме того, и потому еще, что мы — люди более или менее известные. И потом, дипломатия все-таки должна служить добрым началом, а это отвечает сути писателя.

— С другой стороны, вы, наверное, могли бы заниматься только своим творчеством, жить как хочется и где хочется?

— Да, возможность у меня та-

кая есть. Скажу вам откровенно: для меня если не весь бывший Советский Союз, то пространство от Киргизии до Москвы — единое целое. Иной Родины, иной среды я себе не представляю. Бельгия — это временно. Душа моя постоянно рвется сюда. И как бы ни относились к России, к нашим странам, какие бы мы ни несли в себе негативные импульсы, как бы трудно и сложно ни было, все равно для меня это — мое родное море, где я могу быть рыбой.

— Раньше в этом «море» практически все ваши произведения издавались огромными тиражами, переводились на другие языки, по ним снимали фильмы, ставили спектакли да еще платили большие гонорары. А сегодня вам с Шахановым, чтобы выпустить книгу, пришлось искать спонсоров...

— Да, мои романы, повести экранизированы, инсценированы, изданы огромными тиражами — многотысячными, миллионными. Ну и что, я теперь должен всхлипывать и вспоминать?

— Но ведь вспоминаете?

— Вспоминаю, сопоставляю. Да. Но я понимаю, что не может жизнь протекать только в одном русле, пребывать в одном состоянии, застыть в одной форме. История — живой организм.

— Вам удается философски смотреть на жизнь. И никакой ностальгии по своему социалистическому прошлому?

— Есть ностальгия. По былому, опять же коллективистскому духу, по читательскому отклику. После выхода «Плахи», например, я получал каждый день десятки, а то и сотни писем, даже физически просто не мог все прочесть. И какие письма!.. Одно из достижений социализма, которое мы потеряли, — необыкновенная живая взаимосвязь читателя и писателя.

Однажды иду в Москве по улице тогда еще Горького. Много прохожих. И вдруг какая-то женщина здоровается со мной. Я подумал, что знакомая, отвечаю. А потом вижу, что не знаю ее. Женщина подходит ближе и говорит: «Я — Акбара». Акбара — это моя волчица из «Плахи». Я ошеломил, подумал, что она шутит. Присмотрелся, а в глазах у женщины такая боль и тревога... Пока собрался сказать что-то, она ушла.

Будут ли у меня еще такие читатели?

Беседу вели
Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.